

СЕГОДНЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 50 ЛЕТ ПОГРАНИЧНЫМ ВОЙСКАМ СССР

ВСЕГДА НА ПОСТУ

[Окончание, Начало на 1-й стр.]

стражи многие выдающиеся прозаики народов нашей страны остались в СССР.

Труднейшим испытанием для всего советского народа стала Великая Отечественная война. «Как львы, дрались пограничники, призванные на себя первый внезапный удар подлога врага», — писала «Правда» 24 июня 1941 года. Родина высоко оценила полвека воинов в зеленых фуражках. Многие пограничные полки и отряды, тысячи бойцов и офицеров были награждены орденами и медалями. 150 воинов удостоены звания Героя Советского Союза.

Война кончилась. А у пограничников — снова напряженные будни.

В Советский Союз немало приезжал гостей из-за рубежа. Наши пограничники радушно встречают друзей. Но есть и иные «гости». За год у них изымается десятки тысяч материалов идеологического зредного содержания: религиозная и порнографическая литература, толстые пачки печатных изданий, призванных опровергнуть марксизм-ленинизм, наш социалистический строй, признавать всемирно-историческое значение Великой Октябрьской революции, идеально и морально чисто.

праздники пограничников особенно молодежь.

Партия, правительство высоко ценят труд часовьев границы. Ряд частей за заслуги в защите границы, за высокие показатели в боевой и политической подготовке в честь 50-летия Великого Октября награждены орденами и памятными знаками ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

В новых условиях неизменно выросла культура личного состава пограничной. Наш путь — от кружков по ликвидации неграмотности до университетов культуры, от первых самодельных кружков до профессиональных ансамблей, драматических коллективов, оркестров, от красных уголков к хорошим оснащенным клубам, Ленинским комнатах, библиотекам с трехмиллионным книжным фондом, к телевизорам и магнитофонам на каждой заставе.

Большое значение для нас имеет шефство деятелей культуры и искусства над пограничниками. У нас практически нет частей и подразделений, где не побывали бы профессиональные творческие работники. И если не так давно культурно-шешеских мероприятий проводилось сотни, потом тысячи за год, то теперь их считают десятками тысяч.

Пограничники благодарны писателям и журналистам К. Симонову, В. Беляеву, Е. Рябчиному, А. Аверченко, П. Федорову, А. Первенику, И. Шеневу. Наших художников, создавших немало произведений о пограничниках. Ведь только москвичи из границы побывали более двухсот: многие годы связаны с нашей тематикой П. Малышев, В. Быков, П. Судаков, В. Переяславцев, В. Елизаров, В. Соколов, М. и Л. Ройтеры, О. Савостин, Б. Успенский, В. Фомичев, К. Иванов, Р. Сурьянинов, М. Хейфиц, Л. Блях.

К 50-летнему юбилею пограничной в Москве открыта выставка «На страже границ СССР». Ее организатор — Союз художников Российской Федерации.

За последние годы больше стало звучать песен о часовых Родины. Любят у нас песни В. Мурадели, А. Новикова, К. Листова, Л. Бакалова, М. Блантера, М. Фрадкина, С. Каца, З. Коминайца, С. Туникова, П. Майбороды, А. Аверкина. Артисты Москвы, Владивостока, Хабаровска, Тбилиси, Еревана, Баку регулярно показывают на границе новые спектакли, выступают концертанты. И в этом — большая заслуга Центральной комиссии по культурному шефству над Вооруженными Силами.

СССР, которую возглавляет народная артистка СССР Е. Н. Голова. Сама Елена Николаевна не раз выступала на заставах Заполярия, Закавказья, западной границы...

Важно подчеркнуть, что формы связи работников культуры и искусства, писателей, артистов, журналистов с пограничниками непрерывно совершенствуются. Работа деятелей литературы и искусства на границе многогранна и универсальна. В его лице пограничники видят настоящего полиграфа нашей социалистической культуры. Военно-патриотическая тема сплела, сроднина работников культуры бойцами и командирами. Героическая романтика пронизана лучами произведения, посыпаными солдатами в зеленых фуражках.

В решении больших задач, стоящих перед воинами границы и современных условиях, значительно возрастает необходимость укрепления и совершенствования связей с деятелями литературы и искусства, дальнейшего улучшения творческой работы на пограничных заставах. Важно, чтобы и новых произведениях по достоинству была воспета герояика пограничников, ярко и убедительно раскрыта сложная и значительная ответственность службы пограничников.

Пограничники всегда начинены, всегда готовы с честью и достоинством выполнять свой воинский долг.

Полковник А. ПРОКОПЕНКО.

ЛЮДИ НА ПЕРЕДНЕМ РУБЕЖЕ

Лирический
репортаж
со стихами
и фотографиями

МУЗЫ
В СОЛДАТСКОМ СТРОЮ

Надвое рассечена земля
ущину излучиной реки.
Лена, затянута на камни,
Синевой, вспаханной мурки.

У самой земли и реки,
на границе мира и войны
случают спутну трущую свою
символию моей большой страны.

На самом краю нашей страны — солдат, синевязий, с белозубой улыбкой. Ладный парень в аккуратном подогнанном мундире. Смотрится на него и как-то поклоне-дышит: до чего же ты сырь, наш, советский! Нет, вы не смеялись над корреспондентской восторженностью: здесь, на последней пади думашки: до чего же ты сырь, наш, советский! Нет, вы не смеялись над корреспондентской восторженностью: здесь, на последней пади думашки: до чего же ты сырь, наш, советский!

Вечерами, прежде, листочки небдовлены: машут им, бедолагам, спасы.

Соберут баинист-засовдик и всех свободных от нарядов на крылечке заставы — и вот уже онки, взлетели песни, настроика и отголоски краин берущих за душу. Странники покинуты чужаку этот хор — хор без спущившей, этот концерт — концерт без зрителей. Но концерт по всем правилам, с хореографическими и инструментальными номерами (приисдуманы гитарист или барабанщик, музыканты с кухни две ложки — готово эстрадное «трио по-пограничному»), с художественным чтивом, с зубастой сатирой. Может, и слышит уже не впервые, но по принципу «доброй шутке не ржавеет» ждет ее, смотрят прямо в рот самочинному конферансу, дружным хохотом взрываются густую тишину пограничника в чумом, темно-зеленом мундире, с длинноватымым нарядом.

На той стороне моста — туман, поднявшийся из-под воды реки. Никогда не легла река от поста до поста.

Здесь два мира — глаза в глаза. Каждый нерв напряжен. И забыть на них некогда, чтобы враг не прошел.

Это — самое трудное: постоянное напряжение, всегдашняя боеготовность. В любую минуту — заставка, в румяне! Взметнутся подброшенные стальные мускулы тела, скроются в уголок глазницы и разбегутся, унося тяжеловесную группу в ночь, в низкостность, навстречу опасности.

В любую минуту... Солдаты слушают здесь три, четыре — да где. Офицеры — всю жизнь. Приходит на заставу лживы лейтенанты, младшие лейтенанты. Покидают ее седыми ветеранами.

Крепко стиснут зубы, держинки. Да зорь сквозь осторожные щели просматриваются изумленные люди из передней рубежи.

Сутки стоят здесь многих, и сидят рано головы.

И родные велики любовь — здесь совсем не гримасы слов!

Качаются, пересчитывают звезды мечты. В небе разверзлись скрещивающиеся ворота. Неторопливо шагом обходят свои «владения» дозор. Затянулись наряды. Секут динамики сарберистских лучами тумано-прожектористов. Крутят ушастой головой недремлющий локоток.

Границы не земли.

Ну, а что же все-таки такое застава? Винчи — землянки, со всех сторон четырехугольники: кирзовые, офицерские фланки, пингвины для собак, кошкины, гаги.

И — настежь распахнутые души, Суровые службы, дантовские общечные мавши собой, причем общечные в трудных, почти фронтовых условиях, где человек проявляется таким, каков он есть, в неизвестной ему хотелось бы казаться, сплюхивают людей в настоящую семью.

Зебра друга друга здесь просто поражает. В недолгие перерывы между боявой и политической подготовкой и нарядами паренек-волненными расписывают стены столовой. В горах Закавказья, в двух с половиной тысячи метров над уровнем моря, вырастают длинноно-густолистные бересклеты. Еще двадцать штук, и дюжина свежести прохладной речки гладь.

Ему никто этого не приказывает. Но придут ребята со службой — им будет приятно.

Другой часыны проинжектывает с бантом. Включают магнитофон, прислушивается и снова ловят мелодию.

— Ну что ты мучишься, отдохни!

— Песня уж больно хороша. Надо парней научить...

Здесь царят какая-то особая, мужская нежность.

На заставах листочки нынут, лепят гнезда прямо в горизонтах. Видно, наш солдат не употребил волшебных дорог.

«До зори сенкет настороне».

Низами, Л. Иманов, М. Магомаев в гостях у пограничников Н-ской заставы.

с крупной солью в резной солонке, выпечкой заставским умельцами.

Сейчас здесь — полиграфисты номер два. Песни — это традиционные: мы не раз позерье это слышали: там, где гнезда пасточных есть, счастье поселяется под крышей.

Впрочем, что же позерье — ерунда, просто птицы людям доводят, а птицы никого никогда гнезд не разорят.

Вечерами, прежде, листочки небдовлены: машут им, бедолагам, спасы.

Соберут баинист-засовдик и всех свободных от нарядов на крылечке заставы — и вот уже онки, взлетели песни, настроика и отголоски краин берущих за душу. Странники покинуты чужаку этот хор — хор без спущившей, этот концерт — концерт без зрителей. Но концерт по всем правилам, с хореографическими и инструментальными номерами (приисдуманы гитарист или барабанщик, музыканты с кухни две ложки — готово эстрадное «трио по-пограничному»), с художественным чтивом, с зубастой сатирой. Может, и слышит уже не впервые, но по принципу «доброй шутке не ржавеет» ждет ее, смотрят прямо в рот самочинному конферансу, дружным хохотом взрываются густую тишину пограничника в чумом, темно-зеленом мундире, с длинноватымым нарядом.

На той стороне моста — туман, поднявшийся из-под воды реки. Никогда не легла река от поста до поста.

Здесь два мира — глаза в глаза. Каждый нерв напряжен. И забыть на них некогда, чтобы враг не прошел.

Это — самое трудное: постоянное напряжение, всегдашняя боеготовность. В любую минуту — заставка, в румяне!

Взметнутся подброшенные стальные мускулы тела, скроются в уголок глазницы и разбегутся, унося тяжеловесную группу в ночь, в низкостность, навстречу опасности.

В любую минуту... Солдаты слушают здесь три, четыре — да где. Офицеры — всю жизнь. Приходит на заставу лживы лейтенанты, младшие лейтенанты. Покидают ее седыми ветеранами.

Крепко стиснут зубы, держинки. Да зорь сквозь осторожные щели просматриваются изумленные люди из передней рубежи.

Сутки стоят здесь многих, и сидят рано головы.

И родные велики любовь — здесь совсем не гримасы слов!

Качаются, пересчитывают звезды мечты. В небе разверзлись скрещивающиеся ворота. Неторопливо шагом обходят свои «владения» дозор. Затянулись наряды. Секут динамики сарберистских лучами тумано-прожектористов. Крутят ушастой головой недремлющий локоток.

Границы не земли.

Ну, а что же все-таки такое застава?

Винчи — землянки, со всех сторон четырехугольники: кирзовые, офицерские фланки, пингвины для собак, кошкины, гаги.

И — настежь распахнутые души, Суровые службы, дантовские общечные мавши собой, причем общечные в трудных, почти фронтовых условиях, где человек проявляется таким, каков он есть, в неизвестной ему хотелось бы казаться, сплюхивают людей в настоящую семью.

Зебра друга друга здесь просто поражает. В недолгие перерывы между боявой и политической подготовкой и нарядами паренек-волненными расписывают стены столовой. В горах Закавказья, в двух с половиной тысячи метров над уровнем моря, вырастают длинноно-густолистные бересклеты. Еще двадцать штук, и дюжина свежести прохладной речки гладь.

Ему никто этого не приказывает. Но придут ребята со службой — им будет приятно.

Другой часыны проинжектывает с бантом. Включают магнитофон, прислушивается и снова ловят мелодию.

— Ну что ты мучишься, отдохни!

— Песня уж больно хороша. Надо парней научить...

Здесь царят какая-то особая, мужская нежность.

На заставах листочки нынут, лепят гнезда прямо в горизонтах. Видно, наш солдат не употребил волшебных дорог.

— Ну что ты мучишься, отдохни!

— Песня уж больно хороша. Надо парней научить...

Здесь царят какая-то особая, мужская нежность.

На заставах листочки нынут, лепят гнезда прямо в горизонтах. Видно, наш солдат не употребил волшебных дорог.

— Ну что ты мучишься, отдохни!

— Песня уж больно хороша. Надо парней научить...

Здесь царят какая-то особая, мужская нежность.

На заставах листочки нынут, лепят гнезда прямо в горизонтах. Видно, наш солдат не употребил волшебных дорог.

— Ну что ты мучишься, отдохни!

— Песня уж больно хороша. Надо парней научить...

Здесь царят какая-то особая, мужская нежность.

На заставах листочки нынут, лепят гнезда прямо в горизонтах. Видно, наш солдат не употребил волшебных дорог.

— Ну что ты мучишься, отдохни!

